

**Новокузнецкий литературно-мемориальный музей
Ф.М.Достоевского**

**Творчество Ф.М.Достоевского:
проблемы, жанры, интерпретации**

Сборник №8

Новокузнецк

2010

«ДОСТОЕВСКИЙ НARRATIV» В ЛОКАЛЬНОМ МИФЕ НОВОКУЗНЕЦКА

Литературное краеведение все еще остается слабо разработанным направлением изучения истории Кузнецка – Сталинска – Новокузнецка. Исключение составляет сюжет «Достоевский в Кузнецке», представленный в целом ряде публикаций кузбасских авторов. Реконструированы связанные с нашим городом события жизни Ф.М. Достоевского, проведены архивные изыскания по персоналиям второй половины XIX в., имевшим реальные либо гипотетические контакты с писателем, сделаны (нередко весьма смелые) предположения относительно влияния «кузнецкого периода» на его творчество (ключевые темы, сюжеты и образы) и духовную жизнь.

Корпус соответствующих публикаций претендует на статус локальной линии достоеведения [1]. При этом как-то упускается из виду, что эти тексты обладают специфическими «формульными» признаками и сами могут и должны выступать объектом интерпретации. Дело в том, что усилиями ряда авторов сложился «этикетный» тип повествования, неписаные правила которого предопределяют все дальнейшие высказывания на тему о связи Кузнецка с жизнью гения русской литературы. Этот десятилетиями отрабатываемый способ говорения о городе используется чисто инструментально – как прозрачный традиционный формат краеведческих штудий о «Кузнецке Достоевского». Между тем он несомненно нагружен в смысловом, символическом и pragmatическом отношении. Данная повествовательная манера тематизируется в рамках настоящей статьи как **краеведческий достоевский нарратив** (название условное) и рассматривается на материале местных публикаций, объединенных темой «Ф.М. Достоевский и Кузнецк». Нам представляется важным привлечь внимание тех, кто занимается данной темой, а также историей города и Сибири, к «метауровню» текстов о Достоевском в Кузнецке, о городе и о Сибири: к тому, как устроены и функционируют соответствующие этим темам повествовательные стратегии, существование которых невозможно отрицать. Статья не претендует на исчерпывающее решение обозначенных вопросов, ее целью является лишь постановка проблемы. Порядок развертывания специфики достоевского нарратива следующий: сначала выявляются и содержательно

характеризуются его компоненты, затем - функциональный аспект. Делаются краткие - в первом приближении - выводы о том, каков их генезис, каковы ограничения, налагаемые ими на любое исследование в этом тематическом поле, и в то же время каковы их еще не используемые ресурсы.

Наличный массив текстов о связях Достоевского с Кузнецком и кузнечанами представлен в подавляющем большинстве случаев местными исследованиями, причем почти исключительно реконструкциями, чему имеется несколько причин:

- 1) краткость физического пребывания Достоевского в Кузнецке и минимальность достоверно известных об этом сведений;
- 2) малочисленность документальных подтверждений воссозданной краеведами событийной канвы «кузнецкого периода»;
- 3) традиционная и обязательная оценка посещения Кузнецка Ф.М. Достоевским как имеющего особое значение для истории города в целом;
- 4) краеведческая, а не литературоведческая специализация авторов.

Анализ данного материала позволяет определить характерные признаки достоевского нарратива.

1. **Источниковедческая некритичность** в реконструкции событий, портретов «персонажей» и связей последних. При чтении некоторых исследований невозможно отделаться от впечатления, что авторы «не видят» очевидных нестыковок в материале и едва ли не умышленно строят свое повествование на заведомо недостоверных данных - ради придания ему цельности и яркости. Исключения немногочисленны; так, образцом взвешенной работы с источниками являются публикации А.С. Шадриной. Результат отсутствия должной критики при воссоздании «Кузнецка Достоевского» - это появление ряда недостоверных или ложных, но эффектных «бродячих сюжетов» сталинско-новокузнецкого краеведения. Как правило, они красиво именуются «легендами» и «преданиями»; часть из них действительно может быть так названа, поскольку представляет собой типичные постфольклорные образования. Остальные же являются либо продуктом искусственного генерирования в краеведческой среде, либо следствием фактологической и текстологической небрежности (и таких ошибок много). Работа по установлению содержательных рамок, хронологии, pragматической обусловленности, субъектов, референтной группы и целей этих «легенд» обещает быть

перспективной, но здесь не входит в наши цели, – ограничимся их суммарным перечислением. Считается, что:

- Ф.М. Достоевский «в Кузнецкой крепости отбывал часть срока», причем «в одиночной камере». Вариант: «отбывал ссылку/жил в годы ссылки в Кузнецке»;

- «жили/«проживал», «жил 2 года/5 лет» в Кузнецке «после отбытия тюремного заключения»;

- живя в Кузнецке (в 1850-е), «работал над своим произведением "Дневник писателя"» (к которому приступил только в 1873 г.); вариант: делился творческими планами и читал отрывки из будущих «Записок из Мертвого дома»;

- будучи в Кузнецке, «любил ходить на охоту на Курью и Рушпайку»;

- «посадил дерево»;

- «романтическая» история Достоевского «нашумела в Кузнецке»;

- Н.Б. Вергунов ездил за четой Достоевских практически до самой смерти М.Д. Достоевской;

- существует «множество легенд» о пребывании Достоевского в Кузнецке. Имитация общеизвестности «легенда», однако, должна сама рассматриваться как действительная легенда.

Как видим, здесь фигурируют и общеизвестные, и узкоспециальные «легенды», причем это только их неполный свод. Так, не все ясно с переименованием улицы Большой (Полицейской), с установлением мемориальных досок и устройством библиотек-читален в доме... Большинство этих версий неоднократно опровергалось, начиная уже с 1920-х гг., но это не мешает их регулярному воспроизведению в различных изданиях. Нечто подобное является собой столь же неистребимая «легенда» о посещении нашего города В. Маяковским. Благодаря таким сюжетам краеведческий нарратив создает истинную в себе параллельную реальность, придающую городу «вес»; по сути же они – разновидность так называемых локальных мифов.

2. Психологизация хронологии

Обстоятельства приездов Ф.М. Достоевского в Кузнецк, то есть фактологическая линия краеведческого сюжета, реконструируются в особом хронометраже: «...не количеством времени, а интенсивностью переживаний... изменяется значение того или иного периода...» [7, 18]. Такая перефокусировка исследовательского взгляда компенсирует явный недостаток фактов «событийных» избыточностью фактов

«психологических». В результате подсчитанные дни пребывания писателя в Кузнецке оборачиваются «периодом» (утвердившаяся в публикациях цифра – 22 дня – введена в оборот А.С. Шадриной [16]; попытка «пересчета» была предпринята М.М. Кушниковой [7, 20–26], она же настаивает на правомерности применения литературоведческого понятия период). Ресурсом столь неожиданного методологического хода не являются научные стандарты. Известно, что в архаическом моделировании времени оно также измеряется не абстрактными единицами счета, а хронотопическими событиями-действиями. Симптоматическая «мифологичность» краеведческого мышления допускает инверсию чувства, места и времени: «... кузнецкий период Достоевского измеряется никак не 22 днями (или 20, или 19)... а двумя годами, когда... он (Ф.М. Достоевский. – И.Р.) мысленно, духовно и эмоционально пребывал рядом со своей избранницей в Кузнецке» [7, 25] (здесь и далее – подчеркнуто нами. – И.Р.). Да и вообще – а «не длился ли "кузнецкий период" Достоевского с 1855 г. до конца его дней...» [7, 26]. Ограничимся ремаркой о том, что, по логике сторонников идеи «кузнецкого периода», и Болдинскую осень следует переименовать в «Московскую» – так сказать, по месту жительства пушкинского «предмета».

3. Провинциализация Кузнецка

Для краеведческого достоевского нарратива характерна особая позиция имплицитного автора: о кузнецких перипетиях принято писать как бы со стороны, из такого места, по отношению к которому Кузнецк – внешнее и далекое пространство. (Ту же стратегию «топического выключения» мы найдем в описаниях «достоевских» Семипалатинска, Омска, Барнаула.) Авторы помещают себя в некую выделенную точку по отношению к собственной пространственной локализации, пишут же преимущественно кемеровские и новокузнецкие исследователи. Примеры таких явно ненамеренных, скорее, по традиции транслируемых фигур речи: «В далеком сибирском городке молодой приходской священник читает книги Достоевского» [17, 16]; а также в анонсе юбилейных торжеств 1991 г.: «На этот вечер мы приглашаем всех, кому дорого имя писателя и кто еще не знает, какая... страница его жизни была написана в далеком уездном Кузнецке» [11].

Где локализуется эта точка?.. Где-то «рядом с Достоевским», которому (незаметно для авторов) в логике неоправданной модернизации приписываются одновременно два статуса: столичного жителя и уже великого писателя. Реальный социальный статус Ф.М.

Достоевского в 1855–нач. 1857 гг. был, конечно, иной: недавний каторжник и вчерашний ссылочный солдат (произведенный в унтер-офицеры в ноябре 1855 г., а в прапорщики – в октябре 1856 г.), все еще лишенный потомственного дворянства (оно будет ему возвращено в апреле 1857 г.). В Кузнецк Достоевский приезжал из Семипалатинска и вообще с 1849 г. не только не бывал в столицах, но оказался в самых низах тогдашнего российского общества, пройдя кандалально-острожный ад. Что же до писательской известности, то динамика литературного процесса сер. XIX в. требовала постоянного ее поддержания и развития, каковой возможности Достоевский не имел вплоть до своего «второго дебюта».

Отнюдь не была блестящей столичной дамой и М.Д. Исаева, тем не менее, отсвет «авансированного» Достоевскому статуса лежит в достоевском нарративе и на ней, в 1855–1856 еще даже не жене будущего гения мировой литературы, а супруге и вскоре – вдове скромного чиновника. Разумеется, прямых указаний на это в документах нет, но глухие оговорки в письмах и мемуарах дают понять, что статус М.Д. Исаевой сомнителен и для нее самой, и для ее жениха. Последний совершенно «по-достоевски» и уверен в ней, и колебляться, отчего так важны были для него оценки Исаевой со стороны других людей.

Обшим местом достоевского нарратива являются уничижительные характеристики Кузнецка. Краеведческая литература пестрит ими, начиная с 1920-х годов и по сей день. «Захудалый», «заштатный», «глухой» «городишко» – это еще самое мягкое из сказанного о городе. Только в последние годы появилась надежда на ослабление этого стереотипа, см. недавнее замечание А.С. Шадриной о том, что «в середине XIX века город был не захолустным местечком, это была русская провинция...» [цит. по: 2].

Чем санкционировано это неожиданное в краеведческом дискурсе маркирование Кузнецка как «городишками», что является его необсуждаемым основанием? Из какой видовой точки город так выглядит?.. «Со стороны» и «сверху», из позиции некоего надмирного всевидящего наблюдателя и в перспективе вечности (вневременного величия писателя). В какой-то мере эту традицию предопределил сам Ф.М. Достоевский, нeliцеприятно отзывавшийся о Кузнецке уже в те поры, когда он еще и не видел города. Масштабирование города в столь крупной оптике местные авторы предпринимают, применяясь к оценкам самого Достоевского. (У этой повествовательной модели есть и иной, более поздний источник, рассмотрение которого

составляет отдельную проблему). Нельзя, однако, не заметить очевидных вещей: во-первых, о городе он знал почти исключительно от М.Д. Исаевой. Его оценки – производное от впечатлений женщины чужой для города и горожан, пребывающей в затруднительных жизненных обстоятельствах. Во-вторых, специфичен общий эмоциональный контекст, породивший эти оценки. Возникает вопрос: почему краеведы, пишущие из принципиально иной хронологической, биографической и т.п. ситуации, так легко заимствуют штамп о захолустье?..

С одной стороны, к этому подталкивает «фактура»: о предельных обстоятельствах Достоевского само собой возникает желание писать столь же «предельно». Отсюда почти спиритические заклинания в адрес теней прошлого, «великая магия "эффекта присутствия"» [8, 71], ощущение «стоящей рядом» Марии Дмитриевны [8, 69–70, 90–91] и т.д. Охранной грамотой для подобной живости воображения выступает психологическая сложность личности Достоевского. Кроме того, существо красок в описании неподобающей ничтожности фона дает возможность еще рельефнее обрисовать персону великого русского писателя-страдальца. Так реализуется романтическая в генезисе оппозиция поэт и чернь, обогащенная реминисценциями из позднего творчества Достоевского.

Но главная причина отстраненного от города повествования о городе не в этом. Так случилось, что в истории многих подобных Кузнецк городов роль пишущих была узурпирована чужими (в антропологическом смысле: путешественниками, ссылочными, геологами, этнографами...). Они создавали первые описания города, им принадлежит и авторство постепенно складывавшихся стратегий повествования. Редко в каком из городов возникала подлинно местная линия краеведения; во второй половине XIX в. она появилась в Кузнецке, представленная исследованием, выполненным с позиции инсайдера. Но в классической «Памятной исторической записке...» И.С. Конюхова вообще не отражено событие, послужившее основой для сюжета «Достоевский в Кузнецке». У этого были свои причины, но для нас здесь важно другое: в тексте И.С. Конюхова нет и тени столь знакомого нам принижения города в качестве провинциального захолустья, напротив – локальная история вводится им в имперский контекст как ценность, а сам город не описывается в логике обнаружения типического, что обычно стремится зафиксировать макроисторический взгляд. Примером повествования о городе изнутри является и ответ священника Е. Тюменцева на вопрос А. Голубева: «...только эти

сведения будут очень кратки, потому что он в нашем Кузнецке не жил...» [цит. по: 16, 94]. И только исследователи, органично усвоившие стилистику макроисторического подхода (а в историографии России XX в. он доминировал), включаются в игру, выводящую их самих куда-то далеко за пределы и города, о котором они пишут, и региона, в котором живут.

Впервые отмеченное смещение позиции нарратора встречается у В.Ф. Булгакова, которому принадлежит первая известная публикация на тему «Достоевский в Кузнецке» (1904). Очерк 18-летнего гимназиста, родившегося и выросшего в Кузнецке, начинается словами: «В этом маленьком городке Томской губернии...», далее: «Нынешним летом мне удалось собрать в Кузнецке кое-какие сведения...». В конце читаем: «Я был на местном кладбище, отыскал могилу и прочел эпитафию...» [цит. по: 16, 81–84]. Текст свидетельствует о том, что автором уже усвоены неписанные правила исторического «метанарратива» (через гимназическую программу, через круг чтения). Подобный стиль повествования – сознательный проект юного В. Булгакова, шестой год живущего в губернском городе Томске и пишущего заведомо для более широкого круга, чем кузнецкая публика. Он учится, уже научился писать так, как это принято делать в просвещенном обществе. Ср. совершенно иную интенцию в записи, сделанной уже пожилым В.Ф. Булгаковым в книге для посетителей Музея-квартиры Достоевского в Москве: «...Когда-то, гимназистом, я собрал в родном Кузнецке материалы о пребывании в нем Федора Михайловича Достоевского...» [цит. по: 4, 179] – здесь автор уже не скован задачей интегрирования в академическую среду, пропуском в которую является, в том числе, и усвоение ее дискурсивных норм.

4. Беллетризация сюжета «Достоевский в Кузнецке»

Литературно-краеведческие изыскания, основанные на скучной и случайной информации, организуются в подобие завершенного сюжета благодаря тому, что связь между малочисленными известными фактами обеспечивается чисто литературными средствами. Не случайно характерной особенностью развернутых текстов на тему «кузнецких дней» является их презентация в качестве «авторских концепций». Этот изобретенный в 1980-е гг. свободный жанр выступает дополнительным ресурсом целостности реконструкции. Где мало фактов, в дело вступает воображение: «попытка... представить, что означал в жизни Достоевского "кузнецкий узел"» [9, 28], делается ставка на «силу гипотез, которые... возникают на грани таинственного предчувствия» [7, 8], и на основе этих «дерзких

гипотез» [7, 5] строится «ненещадно низвергающее робость мышления исследование...» [7, 27]. Помогают также обильные цитаты и «параллельные места» из произведений писателя: так жизнь и творчество Достоевского становится как бы сообщающимися сосудами с беспрепятственным перетеканием «фактов».

Практикуются художественно-документальные очерки [12; 13]. Откровенно литературизован и даже театрализован «кузнецкий период» в жизни Достоевского в работах М.М. Кушниковой, которая прямо утверждает, что «кузнецкая драма/коллизия» была не чем иным как буквальным «романом», который имел «сочинителя», «фабулу», «героиню», ряд «интермедий»... Этот подход нашел отражение и в более взвешенной версии Е. Трухан. Идея Н.С. Трубецкого о том, что Достоевский оставался «писателем и когда писал частные письма», распространена и на его бытовое поведение. В итоге переписка 1855–1857 гг. рассматривается как средство обретения речи после долгого молчания, способ оживления сочинительской фантазии, закономерным итогом которого стало исчерпание отношений с М.Д. Исаевой еще на стадии эпистолярного романа: «"Решив" живого человека по законам искусства... Достоевский окончательно теряет его в быту...» [14].

Итак, эпизод биографии писателя становится в краеведении настоящим литературным сюжетом. Интересно, что достоевский нарратив создается преимущественно людьми, имеющими «тяготение» к словесности (от «родонаачальника» В.Ф. Булгакова до современных «лидеров» направления, имеющих членство в Союзе писателей).

5. Придание Кузнецку особой значимости в биографии Достоевского

Краеведческий достоевский нарратив активно «инсталлирует» город Кузнецк в биографию писателя в качестве смыслообразующего хронотопа всей его творческой и личностной эволюции. Кузнецк предстает как город, который оставил «фатальный отпечаток» [7, 273] в творчестве писателя и вообще «на всей его жизни» [9, 11]. Влияние города в такой подаче по значимости превосходит даже роль М.Д. Исаевой в жизни Достоевского, ибо «роман» с женой был «дописан» едва ли не до свадьбы, а вот все связанное с ним, в том числе, видимо, и урбанистический контекст, писатель помнил «ярче и дольше» [9, 22]. Налицо ротация величин М.Д. Исаева – город Кузнецк, такая «подмена объекта» является общим местом достоевского нарратива: утверждается, что эмоциональная жизнь писателя 1855–1857 гг. была

сосредоточена именно на уездном Кузнецке: «Его помыслы, чувства прикованы к незнакомому провинциальному городку» [16, 17]; «Все мысли его были связаны с Кузнецком» [15]; «...“прикованность” к провинциальному городку эмоцией, чувством, мыслью» [14] и т.п.

Результат – смещение перспективы, характерное уже не только для концепций отдельных авторов, но для достоевского нарратива в целом. Так появляется «дом великого русского писателя» [6, 21], он же «домик Ф.М. Достоевского» [18, 27], «Кузнецкий Дом Достоевского» [Г.В. Коган, цит. по: 7, 387] и «дом-музей Ф.М. Достоевского в Новокузнецке» [8, илл. вклейка], – в нем писатель «жил». Отсюда ламентации: «А что же дом по улице Достоевского № 40? Пусть обитают в нем законные хозяева, Федор Михайлович и Мария Дмитриевна Достоевские. Пусть встречают они посетителей музея-квартиры...» [9, 31]. Идея о том, что именно «жил», стала популярной задолго до возникновения «авторской» линии достоевского нарратива.

В итоге, в отличие (прежде всего) от Петербурга, не город влияет на писателя, а писатель на город, да еще в какой степени! Кузнецк превращается в овеществленный текст Достоевского, и самое существование города как бы санкционируется посещением его писателем: «...относим ли мы это старое здание (уездное училище. – И.Р.) к... запечатленному в камне литературному наследию, связанному с пребыванием Достоевского в Кузнецке» [9, 30].

6. Придание сюжету «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» ключевого значения в истории города

Персона писателя позиционируется в достоевском нарративе как стержневая фигура в истории Кузнецка второй половины XIX в. Достоевский как бы «организует» население города в сообщество, структурированное в зависимости от степени знакомства с ним. Возможное окружение Достоевского (корректнее было бы говорить – М.Д. Исаевой) активно персонализируется: ему, анонимному (так в сохранившихся письмах писателя), «возвращаются» обретенные ценой кропотливого архивного поиска имена, реконструируются биографии. В этом есть неоспоримая ценность, поскольку желание установить новые факты о Достоевском результируется расширением общего массива информации о Кузнецке XIX в. Впрочем, не обходится без обычной для популярной биографики модернизации: современники великого человека портретируются именно как современники великого человека (без учета, когда именно он обрел этот титул). Так и «жители Кузнецка, горстка друзей Исаевой» «получили доступ» в историю, «оказавшись волей случая на одной жизненной странице» с ними.

В ретроспективном масштабировании эпохи – без учета реального положения дел в 1855–1857 гг. – не ссылочный Достоевский оказался причастен к городу, но наоборот, ср. об «Обыске брачном № 17»: «единственное вещественное доказательство причастности Кузнецка к жизни великого писателя». Это городу в достоевском нарративе нужны доказательства связи с именем великого писателя – и их находят: «...значимость этого документа... для истории Кузнецка... не требует доказательств» [9, 17]. Ср.: «...отец Евгений хранил о нем благодарную память, тем самым приобщая историю Кузнецка к великому имени русской литературы» [17]; «...именно их (Достоевского и Исаевой. – И.Р.) отношениям город обязан тем, что имеет литературно-мемориальную ценность» [3].

7. Фетишизация ландшафта

Пребывание Ф.М. Достоевского в городе как бы «оживотворило», «одушевило» городское пространство. В увеличительной линзе краеведческого нарратива город стал декорацией к беллетризованныму сюжету: «Улица... в основном сохраняет черты того Кузнецка, который видел Достоевский, и этим умножает ценность находящихся здесь памятников истории и архитектуры» [10]. Дух великого писателя «освятил» город своим присутствием. Сакрализация мест, связанных с жизнью выдающихся людей, вообще свойственна историческому мышлению и психологически предваряет музеефикацию. В случае с Кузнецком ситуация усугубляется тем, что история города хотя и не бедна на персоналии, в разное время побывавшие в нем, однако не так изобильна, как прошлое других сибирских городов. По этой причине разработка темы «Достоевский в Кузнецке» осуществляется с особым усердием.

«Анимизируется» некое дерево – «очевидец» приездов Достоевского (оно утрачено, что упрощает процедуру сакрализации): это лиственница из числа тех, которые были посажены у Богородице-Одигитриевской церкви. Одно из крайне мифологизированных изданий сообщает, что возле «дома великого русского писателя» находится «небольшой дворик, в котором до недавнего времени росла вековая лиственница, посаденная, по преданию, самим писателем» [6, 21]. Бывший директор московского музея-квартиры Достоевского Г.В. Коган в 1993 вспоминала о своем приезде в Новокузнецк в 1958 г.: «А в самом начале улицы... жива была еще лиственница, помнившая Достоевского! К ней можно было подойти и погладить ее». Имеются даже сведения о существовании некоего локального культа: «Так,

например, поклонялись лиственнице, стоявшей на месте Одигитриевской церкви» [10]. В целом, имя Ф.М. Достоевского для горожан, в pragmatике краеведческого Достоевского нарратива, – «имя святое и драгоценное» [5].

...Ф.М. Достоевский – одно из первых имен, которыми «засвидетельствована значимость» нашего города (первых и хронологически, и по масштабу личности). Персоны великих людей во все времена используются как ресурс конструирования местных достопримечательностей и тем самым – статуса города, а также самосознания горожан. Достоевский нарратив – весьма продуктивная по количеству текстов линия местного краеведения, важный компонент локального мифа Новокузнецка. Бросается в глаза парадоксальный характер корреляции между узостью его источников базы и широтой и регулярностью интерпретаций. Настойчивая воспроизведимость одних и тех же повествовательных формул достоевского нарратива будет объяснимее, если рассматривать ее в связи с той ситуацией, из которой генерируются соответствующие тексты. Тогда обнаружится важная социокультурная функция сюжета о Достоевском в Кузнецке: он является одним из смыслообразующих компонентов региональной идентичности.

В этом ракурсе достоевский нарратив – феномен не литературоведческий и никогда им не был, но «градообразующий»: он и возник в свое время как факт региональной идеологии, формирующей региональное самосознание. Именно по этой причине так велико было сопротивление попыткам переименования «дома Достоевского» в «дом Исаевых» в начале 1990-х. В том неудавшемся намерении следует различать не только угрозу чисто управленческого плана, касающуюся нюансов музеефикации, финансирования и т.п. Это была еще и угроза статусу города, поддержанному краеведческим достоевским нарративом. Потому pragmatically оправданно звучали в 1993 г. слова о том, что «дом Достоевского» – «самый значительный культурный памятник Кузбасса». История становления музея Достоевского тесно связана с историей формирования локального мифа. Выработка же герменевтического подхода к локальной истории и приближение к пониманию фонового знания локальной повседневности является делом ближайшего будущего, требующим коллективных усилий.

Библиография и примечания:

1. Справедливости ради заметим, что открыто данная претензия выражена только в работах М.М. Кушниковой.
2. Каменева Н. Далёкое близкое // Кузнецкий рабочий. 2007. 22 марта.
3. Каменева Н. Достоевский в Кузнецке // Кузнецкий рабочий. 2006. 23 ноября.
4. Коган Г.В. Важная страница в исследовании творчества Достоевского // Кузнецкая старина. Вып. 1: История и памятники Южной Сибири и Кузнецкого края / отв. ред. Д.Я. Резун. Новокузнецк. 1993. С. 179–182.
5. Колядич Е. Имя святое и драгоценное // Кузнецкий рабочий. 2008. 22 ноября.
6. Котляров Ю.С. Памятники Кузбасса / Ю.С. Котляров, А.И. Мартынов, А.М. Титова, Ю.В. Барабанов. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1980. 192 с.
7. Кушникова М.М. Загадки провинции: «Кузнецкая орбита» Федора Достоевского в документах сибирских архивов / М.М. Кушникова, В.В. Тогулев; послесл. Г.В. Коган. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1996. 472 с.
8. Кушникова М.М. Кузнецкие дни Федора Достоевского. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1990. 104 с.
9. Кушникова М.М. Кузнецкие дни Федора Достоевского // Кушникова М.М. Место в памяти: вокруг старого Кузнецка / под ред. Т.С. Ащеуловой. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1993. С. 7–31.
10. Малькова Н. Дом Достоевского: забвения быть не может // Кузнецкий рабочий. 1994. 2 июня. С. 4.
11. Мальковец Н. Как будем отмечать юбилей // Кузнецкий рабочий. 1991. 30 октября. С. 4.
12. Никонова Л. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке // Кузнецкий рабочий. 1991. 31 октября. С. 4.
13. Сербин А. Кузнецкие дни Федора Достоевского // Кузнецкий рабочий. 1995. 28 января: 18 февраля.
14. Трухан Е. «Она явилась в самую грустную пору моей судьбы» // Кузнецкий рабочий. 1996. 7 сентября.
15. Тюрина Т. 22 дня. И столетия // Кузнецкий рабочий. 2003. 17 июня.

16. Шадрина А.С. Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского (г. Кузнецк 1856–1857 гг.) / под ред. Т.Ф. Рябцевой. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1995. 158 с.: ил.
17. Шадрина А. Из кузнецкого окружения Ф.М. Достоевского. Отец Евгений // Разыскания: историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Кемерово, 1993. С. 15–17.
18. Эрдниев У.Э. Памятные места города Сталинска / У.Э. Эрдниев, Ю.А. Шпарог, Д.Д. Белошицкий. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1956. 50 с.